Лапатин Вадим Альбертович

ДИХОТОМИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО И РАССУДОЧНОГО ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ АБСУРДА (НА ПРИМЕРЕ ФИЛОСОФИИ Л. ШЕСТОВА)

В статье концептуализируется связь между абсурдом и экзистенциальным знанием. Признавая наличие таковой связи, автор показывает, что последнее не может быть признано абсурдным лишь на основании своей противопоставленности различным аспектам рассудочности. Устанавливается, что экзистенциальное знание, в отличие от рассудочного, имманентно субъекту в каждый момент его существования и в связи с этим предполагает не рефлексию над собой, а прояснение посредством абсурдного опыта недвойственности. Указанная проблематика рассматривается на примере экзистенциальной философии Льва Шестова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/26.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. I. С. 116-118. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

13. **О звании монашеском, об определении в монастыри отставных солдат и об учреждении семинарии и госпиталей**: Именной указ, данный Синоду, № 4450 от 31 января 1724 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1830. Собрание 1 (ПСЗ-I). Т. VII.
14. **Российский государственный архив древних актов** (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1.
15. **РГАДА.** Ф. 214. Оп. 5.
16. **РГАДА.** Ф. 237. Оп. 1.
17. **Российский государственный исторический архив.** Ф. 796. Оп. 67.
18. **Словцов И.** Пыскорский Преображенский ставропигиальный 2-го класса монастырь // ПЕВ. 1867. № 21. Отд. неоф.
19. **Тинский А. Г.** Вятская мозаика. Киров, 1994.
20. **Ярушин П.** Материалы для истории Пыскорского монастыря и оценка их // ПЕВ. 1888. № 11. Отд. неоф.

CHARITY OF MONASTIC PATIENTS IN VYATKA AND PERM MONASTERIES IN THE XVIIITH CENTURY

Kustova Elena Vital'evna
Vyatka State University of Humanities
kustovael@yandex.ru

The article by the example of Vyatka and Great Perm eparchy analyzes the question of monastic patients and the elderly maintenance in the XVIIIth century that has not been previously studied in historiography. The history of creating hospitals in monasteries, the impact of the state legislation on this process, the conditions of clergymen accommodation in hospitals are considered. The question of constructing special hospital premises and “hospital” churches in monasteries is analyzed.

Key words and phrases: monasteries; Vyatka and Great Perm eparchy; daily routine; hospitals; charity of patients.

УДК 165.19+141.32
Философские науки

В статье концептуализируется связь между абсурдом и экзистенциальным знанием. Признавая наличие таковой связи, автор показывает, что последнее не может быть признано абсурдным лишь на основании своей противопоставленности различным аспектам рассудочности. Устанавливается, что экзистенциальное знание, в отличие от рассудочного, имманентно субъекту в каждый момент его существования и в связи с этим предполагает не рефлексию над собой, а прояснение посредством абсурдного опыта недвойственности. Указанная проблематика рассматривается на примере экзистенциальной философии Льва Шестова.

Ключевые слова и фразы: абсурд; экзистенциальное знание; рассудочное знание; Шестов; недвойственность; пробуждение; субъект познания; Домаль.

Лапатин Вадим Альбертович
Санкт-Петербургский государственный университет
lapatin.vadim@gmail.com

ДИХОТОМИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО И РАССУДОЧНОГО ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ АБСУРДА (НА ПРИМЕРЕ ФИЛОСОФИИ Л. ШЕСТОВА)©

В западном философском дискурсе всегда была актуальной дихотомия между рассудочными формами познания, которые зачастую и отождествляются с философией как специфической практикой, сложившейся на Западе, и нерассудочными формами познания, занимавшими в данном пространстве несколько маргинальное положение, хотя и находившими основательную поддержку в рамках различных философских течений (иррационализм, интуитивизм, экзистенциализм и т.д.). Означенная дихотомия занимает нас не с точки зрения выбора той или иной стороны, а лишь применительно к проблеме абсурда, которая неизменно вызывает к жизни оппозицию между рассудочным и иррациональным. При этом абсурд традиционно мыслится в соотнесении с различными модусами иррациональности и противопоставляется рассудочности.

Одним из тех, кто обращался к рассмотрению данного круга вопросов, был Л. Шестов. Проблематика абсурда разрабатывается им в противоположность рассудочной философии разного рода: от Платона и Аристотеля до Г. В. Ф. Гегеля и Э. Гуссерля. Спекулятивное знание опирается на ряд важных положений. Прежде всего, умозрительная философия базируется на представлении об аподиктическом характере истины: истина одна, неизменна и независима от фигуры познающего. Вторым важным моментом спекулятивного знания является идея естественной и логической необходимостей: бытие закономерно и упорядочено, а мышление подчиняется законам тождества, непротиворечия и исключенного третьего. Третьим существенным положением умозрительной философии является концепция унитарной модели сознания, согласно которой, индивидуальные, случайные качества человека не имеют никакой важности для познания, а потому все многообразие деятельности сознания может быть сведено к нескольким обязательным, безличным принципам наподобие *cogito* Р. Декарта или трансцендентального субъекта И. Канта.

© Лапатин В. А., 2013

Ни одно из этих положений Л. Шестов не принимает. Так, высказываясь против аподиктического характера истины, он замечает, что философская истина коренным образом отличается от истины научной.

В философии же, по-видимому, споры имеют своим источником вовсе не неясность предмета. Там спорность и противоречивость различных утверждений вытекает из самой сущности дела. Гераклит с Парменидом не только на этом, но и на том свете, если б им пришлось встретиться, не сговорились бы. Та истина, которой они служили и здесь, и в ином мире, не только существует, но, по-видимому, и живет. И, как все живое, не только никогда не бывает себе равна, но и не всегда на себя похожа [3, с. 203].

Философское познание касается предельных оснований сущего, и их «изучение» никогда не может стать предметом коллективного опыта и здравого смысла. Философствование – всегда личностный акт, и поэтому подлинно философская истина не может соответствовать умозрительным критериям истинности, но должна быть строго индивидуальной. В этом смысле для Л. Шестова библейский Иов является философом в большей степени, чем Г. В. Ф. Гегель.

Очевидность логических законов действительна лишь для рассудочного мышления. Но философия претендует на познание сущего в целом, поэтому неправильно ограничивать сознание одной рассудочной деятельностью и исключать другие его аспекты. Так, критикуя концепцию очевидности Э. Гуссерля, Л. Шестов указывает, что абсурдные, с точки зрения бодрствующего сознания, вещи могут не вызывать сомнений, скажем, в состоянии сновидения (пример с китайским императором) [Там же, с. 237]. Таким образом, можно говорить о своего рода «абсурдной очевидности» [1, с. 167-221]. Последний термин принадлежит не Л. Шестову, а Р. Домалю – участнику французской литературной группы 1920-х гг. «Большая игра», идейно близкой к Л. Шестову, и, по нашему мнению, является весьма полезным в теоретическом отношении.

В противоположность унитарной модели сознания, базирующейся на представлениях о том, что у разума есть естественные границы, что он подчиняется логической необходимости, что его принципы одинаковы для всех разумных существ и что они оставались бы истинными, даже если бы никаких существ никогда не было, Л. Шестов развивает концепцию абсурдного сознания. Такое сознание представляет собой «второе измерение мышления» [2, с. 348-413]. Игнорируя аподиктические принципы разума, оно руководствуется особым экзистенциальным знанием, раскрывающимся в определенных модальностях человеческого существования. К подобного рода абсурдному экзистенциальному знанию необходимо пробуждение, которое достигается конкретным, необезличенным субъектом либо в нахождении перед лицом смерти, либо в ясном осознании своей конечности.

Итак, Л. Шестов повествует о конфликте, существующем между рассудочным знанием, которое с очевидностью позитивно, но не может полностью удовлетворить субъект в его поиске истины, и экзистенциальным знанием, касающимся предельных оснований существования субъекта, но не могущим быть полученным из-за отсутствия подходящего инструментария. Экзистенциальное знание обнаруживает абсурдные черты, поскольку достигается не в ходе рефлексии, а за счет пробуждения к «абсурдной очевидности» «второго измерения мышления».

Осуществляемая Л. Шестовым ассоциация экзистенциальной проблематики с абсурдом вполне справедлива. Однако следует задаться вопросом, а только ли противопоставленностью рассудочным формам познания абсурдно экзистенциальное знание; достаточно ли чему-либо быть не рациональным, чтобы попасть в категорию абсурда. К экзистенциальному знанию необходимо пробуждение, и прояснение того, чем является это пробуждение и к чему именно пробуждаются, поможет ответить на поставленные вопросы. Примечательно, что пролить свет на данную проблему нам поможет деятельность участников уже упомянутой группы «Большая игра» (Р. Домаль, Б. Фондан, Р. Жильбер-Леконт и др.). Одной из своих задач они полагали собственно пробуждение ко «второму измерению мышления» и в ходе экспериментальной активности они пришли к выводу, что «пробуждение случается, скорее, внезапно, чем посредством длительной логической проработки, и оно, скорее, есть “узнавание” (*reconnaissance*) уже известной субъекту истины, хотя и приглушенной в обычных условиях» [4, p. 35].

Данное суждение имеет ключевое значение для понимания природы абсурда. Дело не столько в том, что абсурд связан с иррациональным модусом психики, и, следовательно, у нас нет для открытия этого модуса адекватного инструментария. Экзистенциальное знание действительно абсурдно, однако абсурдно оно именно тем, что лучшим инструментарием для него является отказ от всякого инструментария, так как ответы на все вопросы, имеющие решающее значение для человеческой экзистенции, известны человеку с самого начала. Л. Шестов уточняет, что имеются в виду известные «три вопроса, к которым, по Канту, сводится вся метафизика» [2, с. 353], однако попытаться их сформулировать означало бы коренным образом не понимать их природу. Глубокие чувства тревоги и страха, рассмотрение которых имеет такое большое значение в рамках экзистенциальной философии, есть способ, каким это заведомо известное содержание напоминает о себе. А проявляться в форме неконтролируемых и неясных чувств оно вынуждено в силу того, что в повседневном опыте остается скрытым за спонтанной деятельностью сознания. В связи с этим поиск ответов на «решающие для человеческой экзистенции вопросы», осуществляемый тем же способом, что и дискурсивное познание, с необходимостью будет бесплодным, так как поиск того, что всегда «перед глазами», является единственной причиной, закрывающей доступ к искомому.

Получение рассудочного знания основывается на идее нехватки: познающий субъект никогда не обладает всей полнотой знания о мире, поэтому он вынужден добирать недостающее ему знание, наблюдая за вещами вовне, анализируя эти наблюдения и составляя общую картину из бесконечного множества локальных знаний. В рамках западной философии даже вырабатывались методики, позволяющие оптимизировать этот процесс, пока И. Кант не заметил, что знание представляет собой не столько открытие чего-то неизвестного из внеположной

субъекту реальности, сколько является результатом познавательной активности самого субъекта. Иначе говоря, единственный и безусловный источник всякого знания – сам познающий субъект. Из всего этого И. Кант сделал два вывода: a) то, что до этого в философии называлось познанием сущего, представляло собой рассмотрение образов сущего, явившихся результатом взаимодействия чувственной и рассудочной способностей субъекта; b) прежде чем приступать к познанию сущего, необходимо исследовать «технические характеристики» субъекта познания, обеспечивающие всякое вообще познание. Однако нетрудно заметить, что если при исследовании «технических характеристик» задействуются те же гносеологические механизмы, которые использовались ранее для познания сущего, то предметом такого исследования вновь будет не сознание само по себе, а его репрезентация, им же самим и образованная. Именно в силу этого спекулятивное знание, как отмечает Л. Шестов, всегда представляется человеку недостаточным. Причиной субъект-объектного дуализма является не наличие самих по себе несомненных субъекта и объектов, а единственно субъективная репрезентативная деятельность: если сознание активно, есть и двойственность. Оно, в принципе, не может не создавать предмет, даже если последний не представлен в актуальном восприятии и не имеет коррелята в «объективной действительности». Поэтому в связи с тем, что экзистенциальная проблематика касается безусловной причины всякого знания и всего имеющегося в субъективном опыте, она представляется человеку имеющей решающее значение.

Поскольку любой аспект активности сознания связан с двойственностью и отчужденностью в порядок репрезентации, логичным было бы предположить, что, если удастся на время остановить всякое «движение в уме», наиболее существенное содержание человеческой экзистенции будет просветлено. Осуществление этого акта – в той степени, в какой это вообще возможно, – являлось бы пробуждением к «абсурдной очевидности». Пробуждение и просветление потому и синонимы, что пробудиться означает высветить изначальное и заведомо известное. Экзистенциальное знание, по существу, есть знание самого себя безо всякой репрезентации. Однако стоит учитывать, что, когда оно проявляется, уже не может быть места для Самости, поскольку Самость с необходимостью выстраивается через отношение к Другому и, следовательно, предполагает двойственность. Отсюда, та причина, что обеспечивает всякое содержание субъективного опыта, не должна ни мыслить, ни вообще проявлять какой-либо активности, поскольку, если бы она мыслила, сознавала, двигалась и как-либо видоизменялась, она немедленно обрела бы характеристики обычного модуса сознания и вновь оказалась бы вовлечена в дуальный порядок репрезентации. А если источник всякого мышления и сознавания сам не мыслит и не сознает, то в абсурдном опыте пробуждения проблематика субъекта и объекта становится неактуальной. По-видимому, различные доктрины (неоплатоническое учение о Едином, адвайта-веданта, концепции недвойственности в даосизме, буддизме, суфизме и пр.), утверждающие отсутствие инаковости, базируются на приведенных выше положениях, однако используют разные способы описания.

В завершение подведем некоторые итоги. Абсурд традиционно мыслится противопоставленным различным аспектам рассудочности. Вместе с тем, даже учитывая это справедливое положение, связывание абсурда с иррациональностью представляется неправомерным. Примером тому является экзистенциальное знание, проблематика которого разрабатывалась многими философами и, в частности, Л. Шестовым. Данное знание абсурдно не в силу своей близости к иррациональному. И его противопоставленность рассудочности состоит в отрицании какой бы то ни было двойственности и инаковости: субъекта и объекта, духа и материи, имманентного и трансцендентного и т.д. Рассудочное познание предполагает открытие чего-то неизвестного субъекту во «внешнем мире» или во «внутреннем мире», который в данном процессе обязательно выступает в качестве предмета. Экзистенциальное знание, касаясь причины всякого сознавания и всего имеющегося в субъективном опыте, напротив, присуще человеку в каждый момент времени. В силу этого его нельзя достичь или открыть; к нему можно лишь пробудиться, прояснив его изначальную «абсурдную очевидность» в особом, не предполагающем никакой двойственности, акте остановки всякой (как рассудочной, так и иррациональной) деятельности сознания.

Список литературы

1. **Домаль Р.** Великий запой: роман. Эссе и заметки / пер. с фр., коммент. и послесл. В. Кислова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. 432 с.
2. **Шестов Л.** Афины и Иерусалим. М.: АСТ, 2007. 413 с.
3. **Шестов Л.** Potestas clavium (Власть ключей). М.: АСТ, 2007. 348 с.
4. **Fotiade R.** Conceptions of the Absurd: from Surrealism to the Existential Thought of Chestov and Fondane. Oxford, 2001. 260 p.

DICHOTOMY OF EXISTENTIAL AND RATIONAL KNOWLEDGE IN CONTEXT OF PROBLEMATIC OF ABSURD (BY EXAMPLE OF L. SHESTOV'S PHILOSOPHY)

Lapatin Vadim Al'bertovich
Saint Petersburg State University
lapatin.vadim@gmail.com

The article conceptualizes the connection between absurd and existential knowledge. Recognizing the existence of such connection, the author shows that the latter cannot be regarded as absurd only on the basis of its opposition to various aspects of rationality. It is stated that existential knowledge, as opposed to rational, is inherent to the subject at every moment of its existence, and in this regard suggests not reflection over itself, but the clarification of non-duality experience through absurd. This problematic is considered by the example of Lev Shestov's existential philosophy.

Key words and phrases: absurd; existential knowledge; rational knowledge; Shestov; non-duality; awakening; subject of cognition; Daumal.